

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПСЕВДОПЕРЕВОД КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье обсуждаются культурные и языковые особенности поэтических «псевдопереводов» – текстов, созданных по иноязычному образцу и выдаваемых автором за перевод. Перевод-маска может выполнять несколько функций: игровую, учебную, протестную и бытийную. С точки зрения автора поэтический псевдоперевод – это поиск новых выразительных возможностей. С точки зрения читателя такой текст создает новое языковое пространство. Псевдоперевод создает иллюзию выхода за границы родного языка, при этом и автор, и подготовленный читатель получают возможность посмотреть на привычный мир со стороны и почувствовать возникающее при этом удвоение смыслов.

Ключевые слова: поэтический текст, псевдоперевод, символический образ, картина мира

V. I. KARASIK (VOLGOGRAD, RUSSIA). POETIC PSEUDO-TRANSLATIONS: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS. The article considers cultural and linguistic features of poetic pseudo-translations, i. e. texts which model foreign samples and are presented to readers as translations. Pseudo-translations can fulfill several functions: game-playing, educational, protest and existential. From the author's point of view a pseudo-translation is an attempt to find new ways of expression. For readers these texts create a new linguistic space. Pseudo-translations produce an illusion of overrunning the borders of native language. Both the author and the readers get an opportunity to look at the habitual world from the outside and get a feeling of sense multiplication.

Keywords: poetic text, pseudo-translation, symbolic image, worldview

Поэтический текст представляет собой высшую ипостась существования языка. Как пронизательно отмечает Л. В. Зубова, «поэты, независимо от их собственных намерений, исследуют свойства языка в его динамике, во многом опережая лингвистов» (Зубова 2010: 5). В данной работе рассматривается одно из направлений развития поэтического дискурса – переход в пространство

другого языка. Такой переход осуществляется различными способами: автор пробует выразить себя на иностранном языке, переводит свои или чужие тексты или делает вид, что переводит чей-либо текст с другого языка. В последнем случае мы говорим о псевдопереводе.

Термин «псевдоперевод» допускает, как минимум, две интерпретации: 1) ошибочный перевод слова или выражения на другой язык, примером являются ложные друзья переводчика, такие как *complexion* (англ.) цвет лица и *комплексия* (рус.) – телосложение, 2) подражание иностранному образцу, которое автор выдает за перевод (Брокгауз и Евфрон). В научной литературе фигурирует близкое понятие «квазиперевод» с аналогичным противопоставлением двух смыслов слова. С какой целью автор надевает маску и прячется (или якобы прячется) за чужим словом? Во-первых, это может быть упражнение по овладению новым стилем, иной техникой, другой системой образов. Во-вторых, это – игра, предназначенная для мистификации читателей или слушателей, разновидность розыгрыша аудитории. В-третьих, это попытка под чужим именем сказать то, что прямо говорить небезопасно. В-четвертых, это осмысление иного миропонимания, совмещение разных картин мира, в результате чего становятся рельефными их отличительные признаки.

Заслуживает внимания тезис С. Г. Николаева: «Иноязычие <...> следует рассматривать как частный случай автономной речи – экспрессивного субкода, указывающего на способ создания адекватных представлений» (Николаев 2004: 152). Соответственно, псевдоперевод выступает как разновидность этого экспрессивного субкода.

Учебный псевдоперевод не предназначен для выхода в свет, это лаборатория автора, черновики, которые отражают поиск адекватного слова. В известной мере они соответствуют попыткам писать художественные тексты на иностранном языке. Например, это эпиграмма Иосифа Бродского TO A FELLOW POET: *Sir, you are tough, and I am tough. But who will write whose epitaph?* В этом ироничном двустишии прослеживаются аллюзии к аналогичным эпиграммам на английском языке (по-русски так не было принято шутить), однако видно, что текст составлен иностранцем: в сильной позиции находятся слова, которые рифмуются только для человека, недостаточно хорошо усвоившего английскую фонети-

ку. Но это – эпиграмма, текст, не предназначенный для широкой публики, проба в записной книжке. Впрочем, с учётом тонкого языкового слуха цитируемого поэта, возможно, это – специфическая форма самоиронии.

Игровой псевдоперевод – весьма распространенное занятие стихотворцев. Приведу стихотворение Вадима Левина:

Джо Билл

*Джонатан Билл, / который убил / медведя / в Черном Бору,
Джонатан Билл, / который купил / в прошлом году / кенгуру,
Джонатан Билл, / который скопил / пробок / два сундука,
Джонатан Билл, / который кормил / финиками / быка,
Джонатан Билл, / который лечил / ячмень / на левом глазу,
Джонатан Билл, / который учил / петь по нотам / козу,
Джонатан Билл, / который уплыл / в Индию / к тетушке*

Трот, –

так вот / этот самый Джо Билл / очень любил / компот.

По своей стилистике стихотворение напоминает английские детские шуточные стихи NURSERY RHYMES, блестяще переведённые на русский язык С. Маршаком. Перед нами абсурдное перечисление различных образов с неожиданным финалом. В этом стихотворении видны аллюзии к «ДОМУ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК» и другим шедеврам английской лирики. Стихотворение представляет собой иллюстрацию классического английского нонсенса. В наше время в Интернете можно найти множество имитаций английских лимериков или японских хокку, написанных носителями русской лингвокультуры. Игровой псевдоперевод граничит с пародией, а именно – с той её разновидностью, в которой пародируется стиль или жанр исходного произведения (Брыжина 2009), но в отличие от пародии не содержит карикатурного преувеличения тех или иных признаков первичного текста.

Протестный псевдоперевод появляется тогда, когда цензура тщательно выискивает любые намеки в художественном тексте, содержащие критику власти. Подразумевается, что в переводном тексте такая критика направлена против руководства той страны, где и было создано это произведение. Автор учебного или игрового псевдоперевода может указать свое настоящее имя, но создатель протестного псевдопереводного текста этого не сделает по определению. Образцом таких текстов является стихотворение

английского поэта Джемса Клиффорда «ОТСТУПЛЕНИЕ В АРДЕННАХ» (переводчик Владимир Лившиц):

*Ах, как нам было весело,
Когда швырять нас начало!
Жизнь ничего не весила,
Смерть ничего не значила.
Нас оставалось пятеро
В промозглом блиндаже.
Командованье спятило
И драпало уже.*

Стихотворение парадоксально по содержанию и по набору образов. Солдаты в мокром окопе (речь идет о декабре) испытывают опьяняющее веселье от приближения смерти. Офицеры убегают, и солдаты понимают, что их ничто не спасёт.

*Мы из консервной банки
По кругу пили виски,
Уничтожали бланки,
Приказы, карты, списки,
И, отдалённый слыша бой,
Я – жалкий раб господен –
Впервые был самим собой,
Впервые был свободен!*

В этой ситуации герой неожиданно осознает, что он более не обязан выполнять ничьи приказы. Выпивая виски для храбрости, он ощущает небывалую свободу.

*Я был свободен, видит бог,
От всех сомнений и тревог,
Меня поймавших в сети.
Я был свободен, черт возьми,
От вашей суетной возни
И от всего на свете!..*

В этом стихотворении значимым является перенос акцента на местоимения: *мы* были в мокром грязном окопе, *они* сбежали, *вы* занимаетесь суетной вознёй, *я* был свободен.

*Я позабуду мокрый лес,
И тот рассвет, – он был белес, –*

*И как средь призрачных стволов
Текло людское месиво,
Но не забуду никогда,
Как мы срывали провода,
Как в блиндаже приказы жгли,
Как всё крушили, что могли,
И как нам было весело!*

Это стихотворение было опубликовано в батумской газете и затем в журнале «НАШ СОВРЕМЕННОК» в 1964 г., и понятно, что подобный текст никогда бы не мог выйти в свет в Советском Союзе, если бы его автором был гражданин нашей страны. С нескрывае-мой иронией показано отношение солдат к своим струсившим командирам и выражено чувство небывалой свободы, которая приходит к тем, кто перешагнул черту между жизнью и смертью. Никакому цензору не пришло в голову, что автором этих строк был тот поэт, который скромно назвал себя переводчиком. Обратим внимание на виртуозную технику создания обманчивых образов самоидентичности глазами англичанина: в декабре 1944 г. немцы совершили успешное наступление против англо-американских войск в Арденнах, в Бельгии, детально и правдиво показана окопная действительность, солдаты пьют виски, уничтожают документы, и автор себя называет «жалкий раб госпо-ден» - советский человек так себя назвать бы не мог. Именно в 1944 г. якобы погиб на фронте молодой британец Джемс Клиффорд, стихи которого попали к переводчику. В Интернете размещена интересная статья Льва Лосева, известного поэта и сына В. А. Лившица, где приводится подлинная информация о придуманном поэте:

Джемс Клиффорд родился в 1913 году в Лондоне, в семье банковского клерка. Через три года отца был убит под Верденом, вскоре умерла от туберкулеза мать, и Джемс воспитывался у деда, со стороны матери, бывшего механика ремонтных мастерских лондонского дока. В неоконченной автобиографической повести Клиффорд с большой любовью воссоздаёт образ этого старого английского мастерового, человека широкой души, остро-ролова и весельчака. «Дедушка Дик», по свидетельству поэта, знал множество народных английских и шотландских песен,

влияние которых явно проглядывает в некоторых стихах Клиффорда. <...>

Известно, что некоторое время Клиффорд работал чертёжником в строительной конторе в Брайтоне. Писать он начал незадолго до второй мировой войны. Ни одного своего стихотворения он так и не увидел напечатанным. В 1940 году Клиффорд был призван в армию, проходил службу в зенитной батарее неподалеку от Дувра, а в 1944 году со своей частью был переброшен на континент, где вскоре погиб при отражении немецкой танковой атаки.

Изданный недавно сборник Джемса Клиффорда «ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ» («THE WAY OF THINGS») состоит из двадцати трёх стихотворений, сохранившихся у его друзей, и неоконченной автобиографической повести...

Такой могла бы быть биография этого английского поэта, возникшего в моём воображении и материализовавшегося в стихах, переводы которых я предлагаю вашему вниманию.

Эта биография весьма правдоподобна. В наше время возник новый термин – фактоид, правдоподобное событие, которое может оказаться фактом. Средства массовой информации сегодня не столько сообщают о происшедших событиях, сколько конструируют мир, и граница между реальностью и конструктами становится почти неразличимой. Раньше такое положение дел было свойственно миру вымысла, миру художественной литературы. В наши дни реальность и вымысел сомкнулись, образовав в пространстве массовой информации единое поле. Протестный псевдоперевод – один из способов построения такого поля с территории вымысла.

Бытийный псевдоперевод создает новый мир, вернее, соединяет культуры путем совмещения аллюзий, сопряжения прецедентных текстов, умножения символических образов. Западноевропейская баллада стала фактом русской культуры благодаря широкому знакомству русской общественности с европейской литературой в оригинале и замечательным переводам лучших произведений на русский язык. В ряде случаев художественный уровень перевода значительно превосходил соответствующий уровень оригинала, как это произошло с переводом стихотворения И. Х. фон Цедлица «НОЧНОЙ СМОТР» М. Ю. Лермонтовым («ВОЗ-

ДУШНЫЙ КОРАБЛЬ»). Прецедентность соответствующих текстов явилась той питательной средой, в которой появились бытийные псевдопереводы. Приведу с комментариями один из текстов современного поэта Всеволода Зельченко.

Баллада

1. Зелёным огнём полыхает куст,
Ажурен и влажен лист,
А леди Мэри покоя нет
Четвертую кряду ночь.
2. Четвертую Божию ночь, едва
Сойдутся стрелки часов –
Сэр Джон взбирается под окно
По лесенке приставной.

Готическое начало стихотворения – мёртвый жених приходит к своей возлюбленной, в одно и то же время. Действующие лица – аристократы, леди Мэри и сэр Джон, место действия – старинный замок, где должны обитать приведения. Обратим внимание на цветовую гамму: зелёным огнем полыхает куст, но поскольку действие происходит ночью, то это призрачный цвет ночных светлячков. Если вспомнить о библейском пламенеющем кусте как эманации Бога, т. е. жизни, мерцающий зелёными огоньками куст является знаком иного мира, знаком зазеркалья и смерти.

3. Кухарки в сон, белошвейки в сон,
Сэр Джон в безнадежный сплин.
"Пойдем со мной, – умоляет он, –
В кустах стоит цеппелин,
4. В полях немотствует всякий зверь,
Звезда коротает ночь
За влажным облаком, и никто
Не сможет выследить нас.

В соответствии с сюжетом в заколдованном замке прислуга охвачена беспробудным сном. Как принято в аристократической среде, главный герой пребывает в тоске, особом меланхолическом состоянии, которое называется сплин. Этимология этого слова восходит к греческому *σπλήν* (селезёнка), и согласно гуморальной теории древних греков выделяемая этим органом чёрная желчь

приводила людей в печальное состояние. Такие воззрения были распространены в Европе XVIII-XIX в. и проявились в творчестве писателей и поэтов-романтиков. Наиболее ярко образы сплина отражены в творчестве Шарля Бодлера (*И мутная тоска, мой соглядатай тёмный, вонзает чёрный стяг в склонённый череп мой*). Сэр Джон знает, что его мольба останется безответной, и поэтому пребывает в печали. Он предлагает своей возлюбленной тайно бежать из замка. Есть в этом тексте трудно объяснимое место - цепеллин в кустах: как можно закрепить в кустах дирижабль - остаётся загадкой, либо, возможно, автор в данном случае допускает некоторое отстранение от повествования, иронизируя над ним. События разворачиваются в мистической тишине, показателен глагол «немолчать», т. е. не просто молчать, но быть лишённым дара речи, способности издавать звуки.

5. *От лисьих нор, от паучьих гнёзд,
От вересковых пустот
Мы выправим курс на юго-восток,
Чтобы услышать, как*
6. *Перекликаются корабли,
Идущие к маякам,
А с берега ведьмы морочат их,
И море дрожит во тьме*”.

Вересковая пустошь - типичный пейзаж Шотландии или северной Англии. Под лисьими норами понимаются типичные места обитания живых существ. Лиса символизирует хитрость, в расширительном смысле - благоустроенную обыденную жизнь. В Евангелии от Матфея Иисус говорит: *лисицы имеют норы и птицы небесные - гнёзда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову* (Матф. 8:20). Вместо птиц с их гнёздами названы пауки, существа неприятные и ассоциируемые с колдовством. Путь на юго-восток приведёт беглецов в континентальную Европу, но в начале этого пути им предстоит пересечь водную гладь. Ведьмы, которые сбивают с пути корабли, - это древние символы несчастья. Маяки символизируют спасение. Дрожащее во тьме море - это первозданный хаос, аллюзия к Книге Бытия: *Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою* (Быт. 1, 2).

7. Но леди Мэри к таким речам
Останется холодна.
“Ступайте прочь”, – говорит она.
“Good night, – говорит она, –
8. Я лорду-маршалу отдана
И буду ему верна –
Порукой тому пуританский пыл
Отца и семи сестёр”.

Героиня произносит предназначенный ей текст, но вносит в него своеобразное развитие. Это английское этикетное прощание, приведённое в оригинале, и объяснение своего поведения. Она называет человека, с которым помолвлена (если бы она была его женой, то, по-видимому, проживала бы в его поместье), цитирует реплику Татьяны из «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» (этот анахронизм – пример иронии автора). Общий балладный свертхтекст заставляет читателя вспомнить о лорде-маршале из произведения «КОРОЛЕВА ЭЛИНОР», прекрасно переведённом на русский язык С. Я. Маршаком. Правда, тот герой не отличался верностью. Немного странно в реплике леди Мэри выглядит ссылка на пуританский пыл своей семьи. Действие происходит, если принять пуританский период Англии за точку отсчета, примерно в XVII в.

9. “Ну что ж, раз так”, – говорит сэр Джон.
“Я пас”, – говорит сэр Джон
И в мыльную лавку идет, едва
Петух выкликает день,
10. И ровно в девять разносчик Том
С газетным листом в руке
Заглянет в окно – а сэр Джон давно
Болтается на крюке.

Сэр Джон был готов услышать отказ, он совершает самоубийство, поскольку его жизнь теряет смысл. Повествование снижается сначала репликой игрока в карты, пропускающего ход, и затем натуралистическим описанием способа суицида. Но перед нами не событие из реальной жизни, а повторяющийся сюжет из рассказов о привидениях, и мальчик, разносящий газеты, каждое утро видит самоубийцу.

11. Но ночью снова удар в стекло
И голос: "Пойдём со мной,
Там нету смерти, священник врёт,
Там холодно и светло,
12. Шары, гирлянды и мишура,
Как будто под Рождество
На ёлке – и, истинно говорю,
Мы нынче же будем там!

Повествование полностью перемещается в мистическую сферу. Покойник приходит снова к своей возлюбленной и говорит ей о чудесном мире зазеркалья, где нет смерти. Показательна фраза «Священник врёт»: сэр Джон уверяет леди Мэри, что ада нет («там холодно и светло», в аду же полыхает неистовый жар, и при этом нет света), рождественский антураж переносит действие в некий сказочный мир.

13. Клубится пыль, утихает боль,
Качается колыбель
В густой ночи между двух огней –
Звезды и свечи твоей
14. (Смотри "Speak, Memory"). Это – срок
Приходит ступить на твердь,
Одной ногой оттолкнув порог,
Другой попирая смерть".

Выход за грань земной жизни сопряжён с болью, но она утихает, когда человек делает главный выбор и ступает на твердь, отталкиваясь как от привычной повседневной обыденности (возможно, эта обыденность и есть пребывание в колыбели), так и от смерти. «SPEAK, MEMORY» – «Говори, память» – это английское название автобиографии В. В. Набокова «ДРУГИЕ БЕРЕГА».

15.
.....
.....
.....
16. Шершав с изнанки ажурный лист,
Зелёным пылает куст,
И чёрный дрозд затевает свист
Не хуже, чем Роберт Фрост;

Значимое отточие заставляет читателя представить себе возможное развитие сюжета: позже будет сказано, что леди Мэри исчезает из дома. Повествование по канону рондо возвращается к своему началу, снова мерцает зелёным пламенем куст, описание приобретает вещественную конкретность (в начале зелёный лист влажен, в итоге – шершав), появляется чёрный дрозд (исследователи английского фольклора отмечают, что эта птица приносит счастье: *If this bird makes a nest on your roof, this is said to be a traditional sign of good luck*, но есть и другое мнение: *В древности эта птица считалась посланцем умерших. Внезапно появляется чёрный дрозд – примета к смерти*). Упоминание об известном американском поэте Роберте Фросте является авторской аллюзией, не поддерживаемой содержанием всего текста.

17. Под шорох юбок, под скрип перил,
Под азбуку каблуков
Спускаются к завтраку семь сестёр,
Но нету восьмой меж них.
18. “We can’t believe”, – говорят они,
И можно держать пари,
Что плотник ломает замок, но ни-
Кого не найдет внутри.

Баллада завершается кинематографически: семеро сестёр спускаются из своих спален к завтраку, замечают, что восьмой сестры – Мэри – среди них нет и комментируют это по-английски. Искать её в доме бесполезно, и читатель понимает, что она исчезла со своим возлюбленным. Поэт выделяет слово «никого», разбивая его между строфами. Обратим внимание на описание звуков – *шорох юбок, скрип перил* и *азбука каблуков*. Каблуки, словно морзянка, передают некоторое послание.

Подведем основные итоги.

Поэтический псевдоперевод представляет собой поиск новых выразительных возможностей для автора, создание нового языкового пространства для читателя и уплотнение смысла для языка. Можно выделить следующие функциональные типы поэтического псевдоперевода: учебный, игровой, протестный и бытийный. Псевдоперевод создает иллюзию выхода за границы родного языка, при этом и автор, и подготовленный читатель получают воз-

возможность посмотреть на привычный мир со стороны и почувствовать возникающее при этом удвоение смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брыжина, Т. С. Пародийная тональность: дискурсивный статус и функциональные типы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 25 с.
2. Зубова, Л. В. Языки современной поэзии. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 384 с.
3. Николаев, С. Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов. Ч. 1. Теоретические основы изучения иноязычия в поэзии. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Старые русские», 2004. – 176 с.

Владимир Ильич Карасик,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
ул. Ленина, 27, Волгоград, 400131
Российская Федерация
vkarasik@yandex.ru

Vladimir I. Karasik
Volgograd State Socio-Pedagogical University
ul. Lenina 27, Volgograd, 400131
Russian Federation
phone: +7 (8442) 30 29 55